

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ НА ПАСХУ

Христос воскрес! ...Плакали и пели,
Убогим клали сласти и рубли,
Близь церкви умывались из купели,
Наполненной от матери-земли.

И крестным ходом, со свечой из воска,
Брели под колокольный перезвон,
В своих платочках, светлых и неброских,
Похожие на лики у икон...

Я их – и постарей, и помоложе,
Счастливых и у горя на краю
Несуетно хранящих имя Божье –
Немало повидал за жизнь свою.

И, чуждый этой вере от рождения,
Я, выросший вдали от слова «Бог»,
Дивился связи силы и терпенья,
Чьего единства я постичь не мог.

И мне далось не логикой, не мерой,
А будто взмахом изумлённых крыл:
Бог если был, то был силён их верой,
А если не был, всё равно он был!

Несли они не страх, не покаянье,
Но тихое величие своё,
И был их Бог – любви иносказаньем,
Прекраснейшей метафорой её.

—

ТРИ СМЕРТИ

Меня убили в первый раз на утренней заре,
когда Нерукотворный Спас лежал в седой золе
у догорающих венцов родимого села,
где крест кровав был и свинцов, но скорой смерть была.

И только малое зерно в цепи кромешных лет,
ослеплено, обожжено, таило тихий свет.
Росинки слёз, удары гроз ему считали срок,
пока из глины не пророс единственный росток.

Прошло уже две сотни лет, и в буре, и в цвету –
в себя вобрал я дождь и свет, и неба высоту,
но вот опять людская брань и смерть вокруг меня,
и жизнь моя летит на грань металла и огня...

Страшна была вторая казнь в гудении печей,
дорожным шлаком стала грязь, а пепел стал ничей,
и улетал он далеко на росные луга,
и вечер кутал молоком берёзы и стога.

И в мир пришёл я в третий раз цепочкой светлых слов,
влюблённым взором ясных глаз, искавших мир Христов,
и чутким слухом, что умел в рассветных трелях птиц
узнать свой вековой удел, свой крест среди темниц.

И в родниковом холодке голодного глотка
пишу прощанье на листке, и кровь – моя строка.
Теперь меня свели с ума, в углах – зеркальный ад,
и пеплом костяным зима покрыла Петроград.

Вернусь ли я, и кем вернусь? Травой, песком, рекой?
И будет ли родная Русь хоть в памяти людской?
Узрю ли я лицо огня, пройдя сквозь дым седой,
и чем тогда казнят меня – свинцом, петлёй, водой?

Коль Русь жива – и я живу под сердцем у неё,
и греет солнышко траву, и дождь кропит жнивье.
Пока я жив – и Русь жива во мне и надо мной,
и сочетаются слова, и вьётся путь земной.

—

СЕРГЕЙ АДАМСКИЙ

Санкт-Петербург

НА МАЛЕНЬКОЙ-ПРЕМАЛЕНЬКОЙ ЗЕМЛЕ

На маленькой-премаленькой Земле,
В нерасселённой крохотной квартире
Сухой цветок с утра зазеленел –
Чудесный штрих в обыкновенном мире.

Всё остальное было – как всегда;
По коридору проходили люди:
Герои бесполезного труда,
Уставшие от планов и иллюзий;
Лишённые понтов и куража;
Нагруженные лишними годами.
Шли на работу, ежась и дрожа,
Под небом, рассечённым проводами.

Увы! Наш мир давно прошёл акмэ
И клонится к закату понемногу.
А тот цветок, что светится в окне –
Простой сигнал блуждающему Богу,
Который бродит в бесконечной мгле,
Но Бог – не БОМЖ – и он прописан в мире:

В нерасселённой крохотной квартире,
На маленькой-премаленькой Земле.

ГАЛИНА ЩЕРБОВА

Москва

КОЛОМНА

Москворецких далей панорама.
Как в неприязательном ремейке,
девушка в тени святого храма
с книгой примостилась на скамейке.

Небосвод простёрся синей ширью,
плещет ветка вызревшей черешни.
Девушка склонилась над Псалтырью,
пряча взгляд рассеянно-нездешний.

Монастырских крыш лепные главки
отвлекают чуть заметным креном.
Юная монахиня на лавке
душераздирающе смиренна.

Красота отчаянно условна.
Безусловны лишь святые лики.
А вокруг опрятная Коломна,
огороды, полные клубники.

—

АНДРЕЙ ИВОНИН

Москва

ЗИМА В РОССИИ

Зима в России больше, чем зима.
Найти причину не сойти с ума,
когда слепа, бела и невесома,
кружась в нелепом танце, как в аду,
метёт метель пять месяцев в году,
не позволяя выбраться из дома.

Когда на стогнах родины моей
сквозит и дует изо всех щелей,
и воет ветер, как из преисподней;
над нами совершает произвол,
берёт за шиворот и тянет за подол,
подстерегая в тёмной подворотне.

Зима в России больше, чем зима –
нам раздаёт подарки задарма:
вот вам меха, вот серебро – берите!
Ломает ледяную скорлупу,
стирает в пыль, и снежную крупу
спускает вниз по индевелым нитям.

И кажется, что это навсегда.
Зима в России больше, чем беда,
и больше, чем судьба. И всё теснее
она беспечных, сонных и нагих
сжимает нас в объятиях своих.
И мы уже давно сроднились с нею.

ЕЛЕНА УВАРОВА

Мытищи

НЕЗДЕШНИЙ БОГ

Стою у храма. Бог поёт в груди.
«Надень платок», – старуха мне твердит, –
не оскверняй собой обитель Божью», –
и пыль сметает с лестничных перил.
Но пыль не оседает, а парит,
как бабочки на волжском бездорожье.
Глотаю воздух – горечь от глотка,
когда (за неизменением платка)
врата к Отцу невидимо забыты.
Пугает строгий голос: «Аз воздам».
Но слышу: «Дочь, не бойся. Ты – мой храм.
Я рядом! Я не дам тебя в обиду».
И этот мой нездешний добрый Бог
ведёт к реке, туда, где спелый мох,
улитка и песок на тёплой тверди,
где дарит мне живую тишину –
её не потревожить, не спугнуть –
в ней только мы: ни горечи, ни смерти,
где, выключив свои монастыри,
без умолку безмолвно говорим,
как будто впрок хотим наговориться.
Бог шепчет: «Я люблю тебя. А ты?».
А я в ответ молчу до хрипоты.
Мне страшно: надо мной большая птица.
Она кричит. Она – моя вина.
Но слышу ясно: «Дочь, ты прощена.
Держись любви, как света – тьма ночная.
А те (кому прощенье невдомёк)
пускай твердят: „Неправильный твой Бог“
и ждут Меня, Меня не замечая».

ВИКТОРИЯ СОКОЛОВСКАЯ

Полоцк

«Камо грядеши?» – спросят, выпустив в арку врат.
Хлопнут натужно створки памяти за спиной,
И ты покинешь молча первопрестольный град,
Чтобы идти по миру солнечной стороной.

Ноги укажут верно, где Амстердам, где Рим,
Бойкий язык на Киев ловко проложит путь...
Странствующий скиталец, выскочка-пилигрим,
Камо грядеши? Камо?.. Воздуха зачерпнуть?

В землю уходят прочно корни чужих столиц.
Переpletён тутими реками континент.
С греческой колокольни, в небо вздымая птиц,
Бьётся набат тревожный не из твоих легенд.

В каждой стране однажды сыщется свой смутьян.
В каждой войне защита дома – важней всего.
Встанешь под флаги греков? йоруба? египтян?
Вытащишь меч из ножен над головой... кого?

Камо грядеши, отрок? Вечная молотьба –
Форменный знак распада, чёрный водоворот.
Как по спирали время, так по клубку судьба:
Дерево – древко – знамя. И не наоборот.

По капиллярам тканей в теле гудит дрожь,
Считанная как вера с глаз и любимых лиц.
И, возвращаясь к вере, ты всё равно придёшь
В край светлооких горлиц и молодых орлиц.

Родина пахнет хлебом, колосом золотит,
Поит холодным квасом там, где кипит покос,
Баней грехи смывает, домом родным ютит,
Крестит и причащает, как завещал Христос.

Ты над её простором вспорешь крылами тишь,
Словно Икар, поднявшись в самую синеву.
Родине часто снится, что ты над ней летишь
И, как ребёнок малый, думаешь: наяву.

Выступи за пределы нынешнего бытья,
Ширь по-рязански плечи, глаз по-алтайски узь.
Вволюшку тайн отмерит древняя харатья,
Закольцевав подкожно: Родина – Матерь – Русь.

ГАЛИНА САМУСЕНКО

Коломна

БАБЬЯ МОЛИТВА

Поднялась до света. Не спалось ей.
Сердце билось птицею в силке.

Звон колоколов многоголосьем
радостно сплетался вдалеке.

Посидела, сердце унимая,
и пошла. Ещё не рассвело.
Через поле тропочка прямая
вывела в соседнее село.

Истово молилась. За свечами
оживал знакомый строгий лик.
Вслушивались ангелы. Молчали.

Колокольный звон могуч, велик,
расплескался, землю омывая,
разливая вековую грусть.
И, казалось, сказка зоревая
опускалась на седую Русь.

Отмолвившись за больных и сирых;
ближних, дальних – всех дошёл черёд, –
за Россию Бога попросила,
чтоб от всякой скверны уберёт.

В поле тропка – под ноги, да к дому.
Серый кот, ласкаясь, на крыльце.
А на сердце лёгкая истома.
И улыбка – светом на лице.

А за печкой травы пахли летом.
В топке пламя билось горячо.
И самозабвенно пел сверчок,
песнь сплетая с ароматом хлеба.

—

ИГОРЬ ИСАЕВ

Москва

БУРИМЕ

Ей двадцать лет.
Что в двадцать на уме?!
Резинкой перехвачена косичка.
Зелёная трясёт нас электричка.
Мы весело играем в буриме.
«Мы – спицы во вращеньи колеса...» –
Наташина строка слегка неловка.
Ищу ответ, но... скоро остановка,
и затихают наши голоса...
Мы наскоро целуемся – пора
проститься, нет, ненадолго, поверьте!
И – две песчинки в этой круговерти –
Расстанемся. Теперь до самой смерти.
А эта не закончится игра...

Мы – спицы во вращеньи колеса.
Извечное, бессонное круженье,
по льду голубоватому скольженье,
шаги – и сорванца, и мудреца...
Земля к звезде летит, так повелось.
Река течёт навстречу океану.
Осенней рябью – ветер по лиману,
а по ветру – волна твоих волос...

Шуршанье шин, негромкий скрип оси...
Мы мечемся по тропам и орбитам,
а наши споры, ссоры и обиды
рассудит время – тот ещё арбитр.
Остановиться только не проси!

Мы – спицы во вращеньи колеса –
не ведаем, куда покатит обод,
когда и кем затеян этот опыт,
кто держит руль, кто правит паруса.
Но вряд ли нашим пастырям видней,
куда же мы несёмся в самом деле!
Мы – зрители. И мы же – лицедеи.
И бесконечна вереница дней,
почти прозрачен круг внутри кольца,
но чем быстрее мчится колесница,
тем прозрачнее, прозрачнее лица...
Где тут герой, куда пропал возница?!
Мы – спицы во вращеньи колеса...

Когда остынут жаркие слова,
затихнут, смолкнут и липатся тайны,
земное счастье предпочтут Натальи
уделу камергерского¹ вдовства.
Замки заменят. Сменят адреса
и заберут на свой виток спирали
те пустяки, что мы с собою брали –
и мамин зонтик, и шахматы отца...
На круги возвращённые своя,
мы ощутим земное притяженье,
но ход времён не терпит торможенья,
и вечно продолжается движенье –
в нём сущность и загадка бытия!

¹ Придворный чин А.С. Пушкина – камер-юнкер. Оправданием автору может служить тот факт, что в объяснениях барона Д. фон Геккерена, данных им при расследовании той трагической дуэли, последний упорно называет поэта «камергер Пушкин».

СЕРГЕЙ ВОСТРИКОВ

Воронеж

ДВЕ ЧЕШУЙКИ РЫБКИ ЖЕРЕХ

Две чешуйки рыбки жерех,
безыскусный белый свет.
Ни австралий, ни америк,
ни европ в помине нет.
Только блики да полоски
на играющей волне,
только мыслей отголоски,
гомонающие во мне.
Только мыслей отголоски...
Сами мысли не в цене.

Ни с богатством, ни со славой
не столкнулись по пути,
развесёлая забава –
жизнь, как поле, перейти.
Где-то пашешь, что-то сеешь,
и возможен урожай...
Не одну обувь сменишь
по дороге за Можай.
Не одну обувь сменишь...
А не хочешь – проезжай.

Жизнь – сплошные недомолвки,
с послесловием в конце,
всё на кончике иглки,
а игла – опять в яйце.
Недалёкий дальний берег,
переправы стылый след.
Две чешуйки рыбки жерех,
безыскусный белый свет.
Две чешуйки рыбки жерех...
Замечательный сюжет.